

УДК 81'23

**ВАРИАТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕКСТА:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ***Н. Д. Голев, А. В. Сергеев*

В настоящее время в науке всё больше внимания уделяется такому явлению, как интерпретация текста. Оно становится предметом многих гуманитарных дисциплин: философии, психологии, риторики и др. «Когнитивная революция» была одним из проявлений общей тенденции к **интерпретативному подходу** в различных дисциплинах...» [4]. Наша работа по своему предмету является лингвистической, но во многом опирается на данные различных наук. Общеметодологической посылкой нашего исследования является идея Поля Рикёра о существовании истины лишь в совокупности интерпретаций. Из этой идеи следует, что ни одна интерпретация в отрыве от других не может быть признана истинной (ср. принцип дополнительности, сформулированный Нильсом Бором на основе принципа неопределённости) [2]. Психологическое понимание интерпретации послужило основой для лингвоперсоналогического описания данных эксперимента (см. ниже), собственно же лингвистический аспект работы во многом использует достижения риторики в изучении интерпретации. Для лингвистики интерпретация представляет собой процесс семантизации текста, то есть наделения его определенным смыслом (В. З. Демьянков, Л. Г. Ким и др.). Совокупность интерпретаций высказывания образует интерпретативное поле. «*Состав и структура интерпретативного поля обусловлены как особенностями интерпретирующего субъекта (индивидуального и/или коллективного) – персоналогический фактор, так и свойствами самого текста – текстовый фактор*» [3]. С этих позиций любой текст и любая его единица представляют собой носителя **потенциала** его интерпретативного функционирования.

Целью настоящей работы является исследование причин наличия различного потенциала участия в интерпретации текста у лексем интерпретируемого текста. Эта тема выбрана авторами не случайно. Выбор объясняется отсутствием системного исследования интерпретативного потенциала текста: в настоящее время существует ряд работ, посвящённых смежным темам ([8], [3], [9] и др.), но не рассматривающих интерпретативное функционирование текста исчерпывающим образом.

При изучении явления интерпретации (в частности, при проведении лингвистических экспериментов) неизбежно возникает вопрос: почему при интерпретации текста некоторые его лексемы являются ключевыми (то есть регулярно используемыми в интерпретационных контекстах), а некоторые, казалось бы, игнорируются? Под влиянием этого вопроса сформировалась основная проблематика данной работы, которую можно представить как выяснение того, каковы причины различной употребляемости единиц интерпретируемого текста в интерпретациях этого текста? В качестве предварительного ответа на этот вопрос выдвигает-

ся следующая гипотеза: в большей степени на интерпретативный потенциал (способность участвовать в интерпретациях) лексем текста влияют его содержание и та интенция автора, которая выявляется интерпретатором (она может не совпадать с той, которую имел автор при создании текста), и в меньшей – план выражения текста и его отдельных единиц.

Для проверки выдвинутой гипотезы был проведён лингвистический эксперимент.

В ходе эксперимента 42 студентам Кемеровского государственного университета было предложено изложить содержание текста в одном небольшом предложении из 4 – 6 слов.

Изложение содержания текста выступает здесь как интерпретация текста: «сжимая» текст до одного предложения, информант вычленяет основные, по его мнению, элементы текста, тем самым интерпретируя его. Кроме того, таким экспериментом преодолевается противоречие, связанное с возможностью изучения процесса интерпретации только с помощью его результатов. Имея исходный текст и текст интерпретации, возможно выявить весь процесс, его направление, вектор (ср. в геометрии: имея координаты хотя бы двух точек, можно построить всю прямую).

Материалом для эксперимента послужил отрывок из произведения В. Набокова «Камера Обскура»: «*Она высморкалась, пошарила в темноте, опять нажала кнопку. Свет её немного успокоил. Она ещё раз посмотрела на рисунок, подумала, решила, что, как он ни дорог ей, хранить его опасно, и, разорвав бумажку на клочки, бросила их сквозь решётку в лифтовый колодез, и это почему-то напомнило ей раннее детство*».

Анализ результатов эксперимента проводился следующим образом: из интерпретируемого текста бралось слово, подсчитывалось количество его употреблений в текстах интерпретаций. Количество употреблений учитывалось как прямое, так и косвенное. Под косвенным употреблением здесь понимается употребление слова в тексте интерпретации с такими семами, которые есть у слова в интерпретируемом тексте, причём употребление первого тексте интерпретации обусловлено наличием второго в тексте интерпретируемом. Например, использование в тексте интерпретации прилагательного *больной* (*больная девушка*) явно обусловлено наличием в интерпретируемом тексте глагола *высморкаться* (*она высморкалась*). Прилагательное *больной* здесь – косвенное употребление глагола *высморкаться*.

Следующий шаг анализа – сравнение слов с различной встречаемостью в интерпретациях и выявление причин различной встречаемости.

Логика экспериментальной части исследования следующая: сначала рассматривается объяснение

результатов эксперимента с помощью анализа содержания текста, затем – с помощью анализа формы текста, и в последнюю очередь рассматривается связь результатов эксперимента с прагматическим уровнем интерпретируемого текста. Таким образом, количественные характеристики слов в интерпретациях детерминируются их качественными характеристиками в интерпретируемом тексте.

Следует указать на причины выбора именно такой структуры исследования. Помимо традиционности данной структуры (семантика – синтактика – прагматика), к её выбору в большей степени привело следующее обстоятельство. Сам процесс интерпретации представляется авторам как взаимодействие двух противоположных тенденций: стремление текста к неограниченной вариативности его содержания и стремление интерпретатора видеть в этом тексте лишь один, актуальный для данной языковой личности, смысл. Таким образом, текст, благодаря такому свойству языкового знака, как асимметрия, предстаёт как некое скопление исключаящих друг друга смыслов, а интерпретатор, в соответствии с ситуацией, своим языковым сознанием (ср. *интерпретационная стратегия* [3]) отсеивает из видимых им смыслов неактуальные и оставляет актуальные.

Представляется, что структура исследования, сформированная цепочкой *семантика – синтактика – прагматика*, соответствует такому видению процесса интерпретации. Текст здесь описывается во фрагменте цепочки *семантика – синтактика*, а интерпретатор как субъект, который улавливает интенцию автора в тексте (*то, что автор хотел сказать*), рассматривается в звене исследования *прагматика*.

При анализе связи результатов эксперимента и содержания интерпретируемого текста мы рассуждали следующим образом: если взять два слова из текста с минимальными позиционными различиями и с определенной разницей в их «встречаемости» в интерпретациях, то с помощью их семантики, по видимому, возможно будет объяснить такую разницу.

Примером такой пары слов могут послужить словоформы анализируемого текста *детство* и *кнопку*. Как видно, оба этих слова являются дополнениями в предложениях, в тема / рематической структуре относятся к реме, имеют одинаковое падежное значение, в интерпретируемом тексте встречаются по одному разу. Однако встречаемость слова *детство* в интерпретациях такова: прямая – в 24,3 % интерпретаций, косвенная – 0. У слова же *кнопку* – прямая – 0, косвенная – в 7,3 %. Ясно, что в данном случае встречаемость можно объяснить лишь с помощью содержания. При сравнении семантики этих лексем был сделан следующий вывод: они различаются, в первую очередь, по признаку *абстрактность / конкретность*. Если предположить, что встречаемость лексем в интерпретациях зависит от признака *абстрактность / конкретность*, то получается, что у двух лексем из этого текста без позиционных различий и без различия по признаку *абстрактность / конкретность* встречаемость в интерпретациях будет также одинаковой.

Но у лексем *высморкалась* и *бросила* различий в содержании и позициях нет, однако у лексемы *высморкалась* самая низкая встречаемость (прямо – 0, косвенно – 2,4 %), а у лексемы *бросила* – пятая по величине (прямо – 17,05 % , косвенно – 19,5 %). Таким образом, гипотеза о связи встречаемости лексем в текстах интерпретаций с их лексической семантикой отвергается.

Целесообразным представляется обращение к содержанию более крупных единиц языка – предложений. Содержанием предложения является, как известно, пропозиция. Следует сказать, что пропозиция понимается здесь наиболее обобщенно, как ситуация вообще. Это обусловлено тем, что в рамках данной работы не имеет смысла использовать более сложное понятие.

Рассмотрим все имеющиеся в интерпретируемом тексте пропозиции.

1.	S	P		
	она	высморкалась		
2.	S	P	L	
	она	пошарила	в темноте	
3.	S	P	O	
	она	опять нажала	кнопку	
4.	S	P	C	
	ее	немного успокоил	свет	
5.	S	P	O	
	она	еще раз посмотрела	на рисунок	
6.	S	P		
	она	подумала		
7.	S	P		
	она	решила		
8.	S	P	O	
	ей	дорог	он	
9.	S	P	O	
	ей	опасно хранить	его	
10.	S	P	O	
	она	разорвала на клочки	бумажку	
11.	S	P	O	L
	она	бросила сквозь решетку	их	в лифтовый колодец
12.	S	P	O	C
	ей	напомнило	ранее детство	это

Теперь обратимся к связи употребляемости лексем в текстах интерпретаций и их роли в интерпретируемом тексте как представителей элементов пропозиций. Характер этой связи очевиден: наиболее часто встречающаяся в интерпретациях лексема – *она* – представляет субъект во всех пропозициях. Вторая по встречаемости – *рисунок* – представляет объект в пяти пропозициях. Таким образом, мы видим, что **наиболее значимые в пропозициях текста элементы обозначаются наиболее часто встречающимися в интерпретациях лексемами**. Учитывая, что предикат пропозиции является её ос-

новным, организующим элементом [1], то можно говорить о том, что по встречаемости в интерпретациях лексем-предикатов можно судить о степени важности конкретных пропозиций в интерпретируемом тексте. В соответствии с результатами эксперимента наиболее важные пропозиции текста выстраиваются иерархически (зд. в порядке убывания):

1.	S	P	O	C
	ей	напомнило	ранее детство	это
2.	S	P	O	
	она	разорвала на клочки	бумажку	
3.	S	P	O	L
	она	бросила сквозь решетку	их	в лифто- вый коло- дец
4.	S	P	O	
	ей	дорог	он	
5.	S	P	O	
	ей	опасно хранить	его	
6.	S	P	O	
	она	еще раз по- смотрела	на рису- нок	
7.	S	P		
	она	решила		
8.	S	P	O	
	она	опять нажала	кнопку	
9.	S	P		
	она	высморкалась		

(Отсутствие других пропозиций говорит о их малой значимости в тексте, однако и они могут быть косвенно представлены в интерпретациях: пропозиция, представленная предикативной частью *она пошарила в темноте*, проявляется в интерпретации *девушка в темноте, которая вспомнила страх из раннего детства*).

Как видно из этого иерархически выстроенного списка, наиболее значимыми в интерпретируемом тексте являются первые три пропозиции. Произведем небольшое упрощение, учитывая следующий момент: *пропозиции могут быть разных уровней абстракции и разной степени «крупности», их «упаковка» может быть осуществлена по принципу матрёшки* [7]. Вторую и третью пропозиции объединим в одну (на возможность и целесообразность этого указывают результаты эксперимента: опрашиваемые часто так обозначали предикат этой обобщенной пропозиции – *расставание, уничтожает, избавиться* и др.). В результате получается 2 пропозиции, которые являются своего рода смысловыми центрами интерпретируемого текста (для внесения ясности следует напомнить, что для каждого конкретного интерпретатора смысловым центром является лишь одна из этих пропозиций).

Таким образом, получается, что **близость лексем (точнее, её содержания) к смысловому центру интерпретируемого текста обуславливает её встречаемость в текстах интерпретаций**. Так, предположение о связи между семантикой лексемы и её встречаемостью в интерпретациях сменяется

выводом о связи между ролью семантики лексемы в семантической структуре интерпретируемого текста и её встречаемостью в интерпретациях.

При анализе связи между синтаксическим статусом лексем в интерпретируемом тексте и их встречаемостью в текстах интерпретаций, как представляется, следует поступить так же, как при анализе в предыдущей главе, но расставив акценты иначе. Нужно взять две лексемы из интерпретируемого текста с минимальными различиями в области семантики и со значительной разницей во встречаемости, а затем попробовать объяснить эту разницу с помощью их синтаксических позиций.

Сразу следует оговориться, что за семантику следует брать, как это было выяснено в предыдущей главе, роль лексемы, точнее, её содержания в семантической структуре интерпретируемого текста (так как такое содержание в последнее время является и предметом синтаксиса, то под синтаксисом в этой работе понимается синтаксис поверхностный, несемантический).

Две лексемы из интерпретируемого текста – «бумажка» и «детство» – являются объектами (O) в наиболее значимых пропозициях и имеют различную встречаемость в текстах интерпретаций. Если бы встречаемость зависела от синтаксической позиции этих лексем, очевидно, их синтаксические позиции должны были быть различными. Однако обе лексемы являются в предложениях прямыми дополнениями.

Две другие лексемы интерпретируемого текста – «нажала» и «высморкалась» – также практически идентичны по роли в структуре семантики текста (предикаты в наименее важных пропозициях) и имеют различную встречаемость. Попытка объяснить различия во встречаемости различиями в синтаксических позициях и в этом случае не приводит к положительному результату: обе лексемы являются в предложениях сказуемыми.

Таким образом, из сказанного выше следует такой вывод: **синтаксическая позиция лексем не влияет на встречаемость лексем в текстах интерпретаций**.

Как уже было сказано выше, при интерпретации текста имеющиеся в нём пропозиции выстраиваются интерпретатором в определённую иерархию. Пропозиция же, являющаяся её вершиной, – есть смысловой центр текста, та «основная мысль», которую (по мнению интерпретатора) хотел донести автор до адресата. И, как показал анализ результатов проведённого эксперимента, у двух различных интерпретаторов не всегда совпадают эти иерархии (и в частности, смысловые центры текста). Следствием этого является то, что для интерпретаторов различные лексемы интерпретируемого текста являются опорными при интерпретации. Что же является причиной таких расхождений?

Как известно, при интерпретации текста интерпретатор стремится уяснить для себя коммуникативное намерение, замысел автора, «то, для чего он говорит это». Но интенцию автора каждый может интерпретировать по-разному, так как, «воспринимая текстовую информацию, адресат активизирует разно-

образные, хранящиеся в памяти знания, связанные с темой сообщения, а также определённые способы отбора и переработки информации» [1]. Иными словами, здесь действует персонологический фактор. Говорить в рамках данной работы о «знаниях, связанных с темой сообщения», не имеет смысла, так как спектр таких знаний бесконечен, и у каждого человека они имеются в различном составе. Остановимся подробнее на «определённых способах отбора и переработки информации».

В лингвистику это понятие пришло из психологии, где активно используется термин «когнитивный стиль» – «способ (форма) восприятия, мышления и действия субъекта, задающие индивидуально устойчивые и в этом смысле личностные характеристики решения познавательных задач в разных ситуациях» [10]. Из этого определения ясно, что понятие «когнитивный стиль» шире своих лингвистических аналогий. В этой работе мы используем термин «интерпретационная стратегия» [5], являющийся своего рода проекцией термина «когнитивный стиль» в лингвистику.

Анализ результатов эксперимента показал, что все опрашиваемые разделились на две практически равные группы. Первая группа (54 % опрашиваемых) смысловым центром текста считает пропозицию, представленную предикативной частью *это напомнило ей детство*, вторая группа (46 % опрашиваемых) – пропозицию, представленную предикативной частью *она разорвала на клочки бумажку*. Понятно, что причиной такого разделения является использование информантами различных интерпретационных стратегий. При анализе различий этих пропозиций были выявлены сути этих интерпретационных стратегий.

Так, последняя группа опрашиваемых использовала интерпретационную стратегию, которая ориентирована на отбор из текста такой информации, как активная деятельность, «внешние» события, поступки субъекта в отрыве от их значения, причин. Такая стратегия была условно названа стратегией «формалистов».

Первая группа использовала интерпретационную стратегию, при которой интерпретатор стремится преодолеть описание внешних действий, вычленив его суть, главным для него является внутреннее состояние субъекта, его мыслительные процессы и т. д. Условно по своей стратегии эта группа названа «семантики» (под «семантиком» понимается интерпретатор, выявляющий смысл составных элементов и слагающий смысл частей в смысл целого [там же]).

Таким образом, можно сделать следующий вывод: **фактор интерпретатора как субъекта определения авторской интенции** является не менее важным в процессе интерпретации, чем фактор семантики. **Сутью этого фактора интерпретатора являются некие фоновые знания и определённая интерпретационная стратегия.**

Итак, в начале работы выдвинута гипотеза, согласно которой на интерпретативный потенциал лексем текста в большей степени влияют его содержание и та интенция автора, которая выявляется интерпре-

татором, и в меньшей – план выражения текста и его единиц, в результате проведённых исследований подтвердилась. Было установлено, что близость лексемы (её содержания) как представителя элемента пропозиции к смысловому центру интерпретируемого текста и встречаемость этой лексемы в текстах интерпретаций находятся в прямой зависимости (**чем ближе лексема к смысловому центру, тем больше количество её употреблений в текстах интерпретаций**).

В результате исследования выяснилось, что **не менее важным фактором, влияющим на интерпретативный потенциал лексем, является определение интерпретатором с помощью определённого типа интерпретационной стратегии** (в данной работе были описаны стратегии так называемых «формалистов» и «семантиков») **авторской интенции**, так как в результате этого интерпретатор выстраивает содержащиеся в тексте пропозиции в определённую иерархию, вершиной которой и является смысловая центр.

Интерпретатор, несмотря на то, что определяет смысловой центр текста, всё же делает это не произвольно. Текст как бы «навязывает» ему определённое направление интерпретации. Так, результаты проведённого в рамках работы эксперимента показали, что для выбора интерпретатором смыслового центра текст «предоставил» лишь два варианта.

Литература

1. Араева, Л. А. Риторика / Л. А. Араева, П. А. Катышев, Н. Е. Малахова. – Кемерово, 2006. – С. 87.
2. Бор, Н. Атомная физика и человеческое сознание / Н. Бор. – М., 1961.
3. Голев, Н. Д. Амфиболическое (вариативно-интерпретационное) функционирование текста / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким // Филологические науки. – 2007. – № 4. – С. 84.
4. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянов // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 33.
5. Ищенко, Е. Н. Новая парадигма интерпретации в дискурсивном поле современной философии / Е. Н. Ищенко // Вестник Московского университета. Сер. № 7 «Философия». – 2004. – № 6.
6. Корнилова, Т. В. О неустойчивости когнитивного стиля / Т. В. Корнилова, Г. В. Парамей // Вопросы психологии. – 1989. – № 6. – С. 142.
7. Лебедева, Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики / Н. Б. Лебедева. – Томск, 1999.
8. Ляпина, И. И. Грамматическая амбигуэнтность и понимание текста / И. И. Ляпина // Вопросы лингвистики: межвуз. сб. науч. тр. – М., 1997. – Вып. 1.
9. Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте // Межвуз. сб. науч. тр. Новосиб. гос. пед. ун-та / Т. А. Трипольская (отв. ред.) и др. – Новосибирск, 1994.